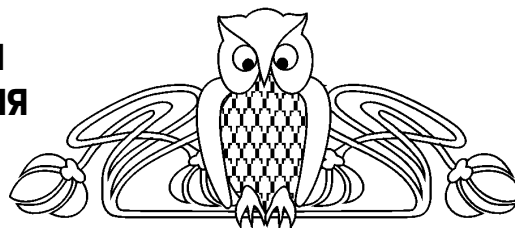

УДК 332.145 (470.44)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ СТРАТЕГИИ «СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ ДО 2030 ГОДА»

Ю. В. Преображенский

Преображенский Юрий Владимирович, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, topofag@yandex.ru

Рассматриваются ключевые моменты «Стратегии социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года» в отношении, прежде всего, пространственной организации обрабатывающей промышленности. Анализируется предложенная типология развития районов области.

Ключевые слова: Саратовская область, Стратегия социально-экономического развития, обрабатывающая промышленность, региональное развитие, прогноз.

The Spatial Issues in the «Strategy for Socio-economic Development of the Saratov Region till 2030»

Yu. V. Preobrazhenskiy

Yuriy V. Preobrazhenskiy, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, topofag@yandex.ru

The key points of the Strategy for socio-economic development of the Saratov region till 2030 against primarily the spatial organization of a manufacturing industry are discussed. The proposed typology of districts is analysed.

Key words: Saratov region, Strategy of socio-economic development, manufacturing industry, regional development, forecast.

DOI: 10.18500/1819-7663-2017-17-4-227-231

«Стратегия социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года» [1] (в дальнейшем – Стратегия) в соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [2] является документом, создаваемым на этапе целеполагания. За ним следуют этапы прогнозирования, а затем планирования и программирования. В зависимости от того, насколько адекватные и проработанные ориентиры будут содержаться в Стратегии, зависит последующая деятельность многочисленных участников проектной, управленческой и хозяйственной деятельности. Во многом именно Стратегия должна закладывать видение перспектив развития, конструировать «образ будущего» региона, его положение относительно соседних регионов, вклад в общероссийские показатели, позицию по отношению к мировым передовым тенденциям. В связи с этим в Стратегии должны быть очерчена точка отсчёта, зафиксированы текущее положение и индикаторы оптимального развития, а также вопрос – пространственные кон-

туры будущей экономики, что является ключевым вопросом для данной статьи.

В связи с необходимостью разработки Стратегии социально-экономического развития субъекта РФ согласно [2] возникла методология оценки её качества (см. [3]). Её суть состоит в экспертной оценке ряда тематических блоков. У экспертов могут быть различные мнения в силу разных причин. В этой связи представляется, что объективно не просто оценить, например, «четкое видение регионом своих внутренних сильных и слабых сторон» [3], поскольку для такой сложной территориальной общественной системы, какой является регион, проблематично делать однозначные заключения: сильные стороны одной составляющей (добывающей промышленности) могут оказаться слабой стороной другой (экологической).

Вероятно, одна из ключевых задач на этапе целеполагания состоит в определении уникальности территории стратегирования. Выявление уникальных черт может стать отправной точкой максимальной реализации потенциальных преимуществ, сочетания естественных и искусственных (созданных человеком) факторов развития. Отталкиваясь отсюда, можно предлагать уникальные проекты, которые определяют «лицо» региона не только в пространстве страны, но и мира.

В отношении Саратовской области выявление уникальных черт объективно является сложной задачей, поскольку ни по природным условиям и ресурсам, ни по экономико-географическому положению, ни по развитию обрабатывающей промышленности (накопленным основным фондам), ни по знанию и навыкам работающих Саратовская область не является чем-то особенным в пределах страны или Поволжского экономического района (ПЭР). Тем не менее осуществление уникальных проектов (необязательно крупных) представляется одним из важных пунктов Стратегии. Постановка целей, которые не осознаются стратегами-планировщиками других субъектов РФ как цели и проработка путей их достижения, – вот важная задача. Разумеется, она гораздо сложнее, чем традиционные общероссийские приоритеты, встречающиеся в стратегиях социально-экономического развития каждого региона.

Стратегия социально-экономического развития любого региона должна отвечать на вопросы, во-первых, о будущих точках и полюсах роста (о них подробнее в [4]), а во-вторых, о форме организации производительных сил, обосновывать

направление их специализации. Однако перед этим необходимо определить общие векторы движения хозяйства региона, которые объясняются как внешнеэкономической ситуацией, так и внутренним спросом со стороны населения области.

Стратегия производит несколько смешанное впечатление широкими перспективами отраслевого развития и относительно узкой их территориальной привязкой. По сути, все они, как предполагается, будут реализованы в трёх-пяти региональных центрах, т. е. неявно закрепляется поляризация социально-экономического пространства области (о пространственном аспекте развития речь пойдёт ниже). Остановимся на ключевых моментах Стратегии, которые, на наш взгляд, проработаны не столь подробно.

Среди ожидаемых результатов Стратегии, помимо количественного роста, обращают внимание ожидаемые качественные сдвиги в промышленности. Так, предполагается увеличение доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП с 23 до 33%, доли инновационной продукции до 9% в 2030 г., производительности труда в 2 раза; к 2030 г. в 2,5 раза оборота малых и средних предприятий, доли занятого населения в секторе малого и среднего предпринимательства до 35% (в 2 раза). Меры по такой существенной трансформации хозяйства остаются за рамками Стратегии.

Другим вопросом на стадии стратегирования, который должен быть осознан проектировщиками, является характер пролонгации современных тенденций в будущее. Несмотря на ориентацию на инновационный сценарий развития, ожидается рост, прежде всего, в уже существующих отраслях промышленности, на уже существующих предприятиях. Такое положение по сути закрепляет доминанту четвертого технологического уклада, производства которого в настоящее время создают относительно низкую добавленную стоимость. В то же время для создания новых производств, прописанных в качестве возможных перспективных вариантов в Стратегии, требуется существенный приток инвестиций, которые не могут быть сгенерированы в пределах области. Вопросы кредитно-денежной политики, мер по инвестиционному стимулированию решаются на федеральном уровне, и региональные власти имеют здесь не слишком широкое пространство для манёвра.

Во многом вследствие такой неопределённой ситуации с будущими инвестициями можно отметить такой недостаток Стратегии, как разная степень обоснованности её целей. Если одни цели выглядят относительно реально (в отраслях, чьи предприятия уже присутствуют в экономическом ландшафте области), то «инновационные» выглядят слабо достижимыми, и ресурсы для их организации неясны (не прописаны).

Это касается, например, туристической отрасли. Недостаточно реалистично выглядит указанное в ожидаемых результатах реализации

Стратегии значение туристского потока (до 5 млн к 2030 г.). Как отмечает Л. В. Макарецва, для его увеличения следует «уделить внимание информационному позиционированию регионального туристического продукта», его росту будет способствовать «реализация ряда крупных инвестиционных проектов в сфере регионального туризма (например, создание особой экономической зоны туристско-рекреационного типа регионального уровня)» [5, с. 89].

Другим недостатком, традиционно свойственным большинству стратегий (особенно на федеральном уровне), является абберация близости и дальности прогноза. На первом этапе реализации предполагается слабый рост (поскольку из настоящего не проглядываются его источники), но на завершающем этапе реализации Стратегии (2025–2030 гг.) показатели «на бумаге» демонстрируют впечатляющую положительную динамику. Другими словами, «стратегии» ближе будущее чаще видят похожим на настоящее, зато дальше – кардинально другим. Весь вопрос состоит в том, на каком этапе происходят изменения: где тот момент, когда хозяйственная система переходит на новый уровень развития?

Еще одна важная составляющая могла быть проработана в Стратегии более детально. Она касается масштаба, уровня развития отраслей: областного, районного, странового или мирового. Очевидно, что размеры предприятия, стоимость его основных фондов и объём требуемого сырья должны быть пропорциональны уровню спроса на производимую им продукцию. Если речь идет о том, что какое-то местное предприятие обеспечивает полуфабрикатами или деталями другие областные предприятия – это одни объёмы; субъекты РФ ПЭР – другие; если предприятие является единственным поставщиком данной продукции для всех предприятий в стране – третьи. Наконец, если предприятие производит уникальную в мире продукцию, то его хозяйственный вес будет несравнимо выше.

В целом в Стратегии излагаются продуманные приоритеты промышленной политики, среди которых встраивание в глобальные производственные цепочки (это касается такой продукции, как СВЧ-приборы, контрольно-измерительное оборудование, электротехнические приборы), освоение новых перспективных ниш (продукция для топливно-энергетического комплекса, средства производства, медицинские изделия, IT-технологии, производство программного обеспечения), импортозамещение в сфере производства товаров потребительского и производственно-технического назначения (конкретные отрасли и продукция не прописана). Указанного предполагается достигнуть за счёт изменения организации производительных сил. Речь идёт о «развитии комплексной производственной кооперации с дальнейшим формированием и развитии областной сети высокотехнологичных

кластеров (металлургический кластер, кластер транспортного машиностроения, химический и нефтехимический кластер, кластер по производству газового оборудования)» [1], а также о развитии конкурентоспособных производственных комплексов (СВЧ-электроники, железнодорожного подвижного состава и др.). Это, по мысли разработчиков Стратегии, позволит сформировать и развить крупные компании на базе кластеров.

Одним из важных приоритетов Стратегии является создание региональной инновационной системы. Однако само её становление и развитие отраслей, которые предположительно возникнут «в сфере биотехнологий, информационно-коммуникационных технологий, фотоники (оптоэлектроники и лазерных технологий), робототехники, экологически чистых транспортных средств и др.» [1] выглядят не слишком реалистично в современных условиях низкого внутреннего спроса и сложностей в отношении проникновения такой продукции на внешние рынки. Это происходит во многом и потому, что в современных российских условиях «нет налаженной связи и методик претворения высокорискованных проектов на практике» [6, с.23].

Наконец, пункт, включающий «развитие энергетики, основанной на использовании альтернативных и возобновляемых источников энергии» [1], относится скорее к декларационному набору в духе времени, с учётом того что предполагается модернизация Саратовской ГЭС, также далеко не исчерпаны резервы Балаковской АЭС. В области идёт реализация проектов строительства солнечных электростанций, однако нужно рационально оценивать их перспективы, которые являются скорее локальными.

Обращает на себя внимание и язык Стратегии, набор используемых в ней терминов, который представляет собой сочетание разнородных слов, которые часто никак не определены. Например, в социально-экономическом направлении сочетание «центр превосходства» является новым, очевидно, это калька с зарубежного термина, но в процессе перевода оно утратило свою экономическую дефиницию. Или, например, сочетание «район-локомотив» (роста). Идея регионов-локомотивов родилась в ныне упразднённом Министерстве регионального развития, но дальнейшего развития не получила.

В то же время такие продуктивные направления, как, например, теория технологических укладов, в документе практически не упоминаются, притом что для региональных стратегий эта теория не является чем-то новым.

Так, например, в Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан можно прочесть: «Развитый четвертый уклад характерен для Камской агломерации. К переходным зонам, в которых четвертый технологический уклад постепенно заменяется на пятый, относятся площадки научно-производственных объединений в г. Казани и индустриальная зона ОЭЗ «Алабуга»» [7, с. 85]. Составители документа упомянутой ре-

спублики отдают себе отчёт в том, что переход на следующий технологический уклад с доминирующего четвертого (что актуально и для Саратовской области) должен лежать в русле «тенденции преобразования пространства, связанной со сменой технологических укладов» [7, с. 87]. И далее: «Пространственная инфраструктура четвертого технологического уклада, созданная в предыдущие десятилетия, требует значительных затрат на преобразования для эффективной поддержки пятого технологического уклада» [7, с. 88]. Подобное понимание связи между инновационными, технологическими преобразованиями и трансформацией пространственной структуры региона в Стратегии Саратовской области практически не прослеживается, что, безусловно, следует признать одним из главных её недостатков. Социально-экономические траектории развития не могут не быть вписаны в пространственный контекст.

В свете вышесказанного выделим территориальные особенности развития области, прописанные в документе. В Стратегии предполагается выделить четырёх типов муниципальных образований, признаки которых достаточно спорны. Это *районы-локомотивы*, *районы-биоэкополисы*, *районы-инфраструктурные спутники* и *депрессивные районы*.

Районы-локомотивы, согласно представлениям авторов Стратегии, представляют собой территории, на которых сконцентрирован наибольший научно-технический, человеческий, производственный, логистический потенциал, необходимый для создания всей цепочки создания высокопредельного продукта, конкурентоспособного на мировых рынках. Здесь ожидается развитие таких направлений, как транспортное машиностроение, электроника, биотехнологии, нанотехнологии, лазерные технологии, химия, нефтехимия, стройиндустрия, сельхозпереработка и др. Отметим, возвращаясь к замечанию выше, что ориентация на производство высокопередельной продукции должна быть связана с анализом мирового спроса на продукцию данного вида, со сравнением с зарубежными аналогами по характеристикам, с сопоставлением затрат в структуре себестоимости.

Районы-биоэкополисы представляют собой обширные районы с населением, проживающим в компактных поселениях малого масштаба, при этом такие районы имеют значительный ресурсный потенциал для развития агропродовольственных кластеров, ориентированных на производство экологически чистой продукции.

Районы – инфраструктурные спутники расположены вблизи крупных объектов транспортной инфраструктуры преимущественно федерального уровня, рядом с агломерацией Саратов-Энгельс.

Наконец, *депрессивные районы* не имеют на данный момент объективных точек роста, перспективы их развития будут связаны с расширением кооперационных связей с районами вышеназванных групп, что может стать отправной точкой для их

смещения в другой тип территорий (характеристики районов заимствованы из Стратегии).

Таким образом, в соответствии со Стратегией муниципальные районы Саратовской области сгруппированы по следующим типам пространственного развития (таблица).

Предложенная в Стратегии типология вызывает ряд вопросов. Во-первых, само название типологии («Основные типы пространственного развития территорий области») спорно. Речь идёт не о пространственном развитии (не об изменении пространственных структур), а об источниках будущего роста (крайне контурно обозначенных).

Во-вторых, если рассматривать Саратовскую область как единую территориальную экономическую систему, вызывает сомнение её «устойчивость» и целостность в связи с недостаточностью точек роста. По сути дела, два ядра (Саратов-Энгельс как единая агломерация и Балаково) окружены экономической периферией. Для сбалансированного пространственного развития области недостаёт реальных (по эффекту притяжения) вторых городов (о них подробнее см. [8]).

В-третьих, понимание биоэкополисов в том смысле, который приведён в таблице (создание агропродовольственных кластеров, агропарков), спорно. Если отталкиваться от названия, то создание биоэкополисов предполагает минимизацию воздействия на окружающую среду, сохранение естественных ландшафтов, тогда как для данных районов предлагается активная аграрная специализация, в результате которой уголья района в экологическом отношении становятся крайне неустойчивыми. Неразумно делать ставку на массовое развитие подобных населённых пунктов без наличия положительных примеров подобного рода образований (которые в России отсутствуют). Возможно, здесь речь должна идти скорее о по-

нятии «поляризованная биосфера», предложенном Б. Б. Родоманом [9], однако безальтернативность развития на территории Заволжья чего-то помимо первичного сектора экономики ставит под сомнение её реализацию.

В-четвёртых, перспективы группы районов-спутников (не вполне ясно уточнение «инфраструктурных»), поскольку единая агломерация и так предполагает развитые инфраструктурные связи, поддерживающие её структурную «жесткость») оцениваются недостаточно позитивно. Однако во многом именно на их территории сосредоточены резервы развития обрабатывающей промышленности, тогда как создание упомянутых в Стратегии «здравниц» достаточно сомнительно и вторично.

В-пятых, не прописаны меры по развитию «депрессивной группы», сама она нуждается в большей детализации, поскольку указанные районы существенно отличаются по условиям и социально-экономическому потенциалу.

Характерно, что видение будущих контуров пространственного развития области почти не пересекается с видением авторов «Схемы территориального планирования Саратовской области», созданной десятилетие назад [10]. В последней предлагается выделение промышленных кластеров различной отраслевой направленности (топливно-энергетический, машиностроительный, химический и нефтехимический, промышленности строительных материалов, стекольной, лёгкой промышленности) и приоритетных для их развития территорий. Схемой также предусматривалось развитие трех планировочных районов: «Западного», «Центрального», «Восточного». К «Западному» району с центром в г. Балашов будут тяготеть районы преимущественно северо-запада области, «Центральному» с центром, представленным Саратовско-Энгельсской агломерацией, –

Типология муниципальных районов по их пространственному развитию (по материалам Стратегии)

Муниципальные районы	Потенциал развития муниципального образования
Районы-локомотивы	
Балаковский, Энгельский, г. Саратов	Создание индустриальных (промышленных) парков, технопарков, кластеров, «центров превосходства», особых экономических зон
Балашовский, Вольский – в перспективе	
Районы-биоэкополисы	
Лысогорский, Калининский, Самойловский, Ртищевский, Новобураский, Романовский, Базарно-Карабулакский, Дергачевский, Турковский, Питерский, Перелюбский, Хвалынский, Духовницкий, Аркадакский, Ивантеевский, Озинский, Петровский	Создание и развитие агропродовольственных кластеров, агропарков, расширение и укрепление внутрирегиональных связей, создание территорий опережающего социально-экономического развития
Районы – инфраструктурные спутники	
Саратовский, Татищевский, Марковский, Аткарский, Пугачевский, Советский	Использование потенциала: объекты транспортной инфраструктуры преимущественно федерального уровня, приграничные территории, туристические объекты, здравницы, частично территории, прилегающие к районам-локомотивам; транспортно-логистические центры
Депрессивные районы	
Александрово-Гайский, Красноармейский, Воскресенский, Ершовский, Ровенский, Новоузенский, Краснокутский, Краснопартизанский, Екатериновский, Балтайский, Федоровский	Переход в группу инфраструктурных спутников или биоэкополисов, в частности, за счет создания транспортно-логистических центров, агропарков

соседние с ней районы, наконец, к «Восточному» с центром в г. Балаково отнесена большая часть районов Заволжья (включая южную часть области, что представляется не вполне оправданным с позиций гетерогенности данного района).

Планировочный каркас во многом опирается именно на центры обрабатывающей промышленности, они как бы «вложены» в него по принципу матрешки. Именно отсутствие «состыковки» в пространственном «видении» подсистем региональных территориальных общественных систем (среди которых, в частности, территориальная общность людей, экономическая, производственно-инфраструктурная, социальная подсистемы [10, с. 294]) можно считать одним из ключевых недостатков документов целеполагания и территориального планирования области. Согласование всех подсистем территориальной общественной системы как в хронологическом, так и в хронологическом аспектах является комплексной, сложной задачей, без решения которой сложно ожидать адекватности, «жизненности» Стратегии.

Отметим ещё два момента. Карта «Территории преимущественного развития в Саратовской области» вызывает ряд замечаний. Неясно определение «преимущественного развития», какие конкретно районы относятся к ним (цвет фона никак не отображен в легенде), неясно, почему разнесённые в пространстве районы названы «агломерацией».

Вызывает вопросы комплексная (многомерная) оценка муниципальных районов и городских округов области по социально-экономическому развитию, которая сама по себе имеет мало смысла: районы сопоставляются между собой, что никак не говорит об абсолютном их благополучии. Другими словами, сложно понять, колеблется ли их благополучие от «плохого» до «ужасного» или от «весьма хорошего» к «превосходному».

Прошло полтора года с тех пор, как Стратегия была подписана в существующем варианте. Достаточно очевидно, что многие заданные в ней индикаторы практически невыполнимы. Стратегии недостаёт мысли, заключающей понимание концентрации ресурсов на нескольких направлениях, которые позволят сохранить системные элементы хозяйства региона.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что Стратегия, обозначая в принципе объективно правильные приоритеты развития

промышленности региона, обладает слабой проработанностью механизмов их достижения. Особенно большие вопросы вызывают пространственные контуры будущего развития региона, типология районов области. Надеемся, что в дальнейшем, ко второму этапу реализации, Стратегия будет преобразована на базе более отчётливого видения перспектив развития Саратовской области и проработанного инструментария воплощения образа её будущего.

Библиографический список

1. Стратегия социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/467710021> (дата обращения: 20.12.2016).
2. О Стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон : от 28.06.2014 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (дата обращения: 29.12.2016).
3. Система критериев оценки стратегий социально-экономического развития регионов рейтингового агентства «Эксперт». URL: http://taexpert.ru/researches/regions/soc_eco_regions_04_2013 (дата обращения: 16.06.2017).
4. Преображенский Ю. В. Точки роста и узлы развития Саратовской области // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 76–81.
5. Макарецва Л. В., Щеглов Д. М. Туристический потенциал саратовской области и условия его реализации // Изв. Алт. отд-ния Русского Географического Общества. 2014. № 35. С. 86–89.
6. Денисов В. Т., Авдеева Е. С. Форсайт как формирование общенациональной среды инновационного стратегического развития // Вестн. экономической науки Украины. 2014. № 3 (27). С. 20–23.
7. Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года. URL: <http://mert.tatarstan.ru/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya.htm> (дата обращения: 16.06.2017).
8. Преображенский Ю. В. Эффект второго города в экономическом развитии субъектов РФ Поволжского экономического района // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 21–26.
9. Родман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск : Ойкумена, 1999. 256 с.
10. Схема территориального планирования Саратовской области. URL: <http://www.minstroy.saratov.gov.ru/building/gradstroy/docs> (дата обращения: 16.06.2017).

Образец для цитирования:

Преображенский Ю. В. Пространственные аспекты Стратегии социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 227–231. DOI: 10.18500/1819-7663-2017-17-4-227-231.

Cite this article as:

Preobrazhenskiy Yu. V. The Spatial Issues in the Strategy for Socio-economic Development of the Saratov Region till 2030. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Earth Sciences*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 227–231 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-7663-2017-17-4-227-231.